

11.5 МАЯ 1972

На соискание Ленинской премии

ОГРОМНОЕ ДАРОВАНИЕ, ВИРТУОЗНОЕ МАСТЕРСТВО

ЧТО оперно-симфоническое дирижирование принадлежит к труднейшим профессиям сферы искусства, известно давно. Констатируется эта истина достаточно часто. Реже акцентируется то, что за последние несколько десятилетий стремительное расширение палитры музыкально-выразительных средств, усложнение структуры музыкальной ткани симфонических партитур чрезвычайно повысило требования к оперно-симфоническому дирижеру. Гармонический, полифонический, тембровый слух теперь у него должны быть развиты буквально до виртуозности. То же можно сказать и о дирижерском жесте. Многослойность насыщенной контрастной полифонией фактуры современной оперы и симфонии ставит то и дело перед дирижером проблемы трудности неимоверной. Стремительная переключка солирующих «возгласов» оркестровых групп, а часто и отдельных инструментов, сложные тактовые размеры — все это в классической музыке встречалось намного реже. В то же время сама сложность современной симфонической партитуры делает особо важной роль дирижера, «высвечивает» каждый малейший дефект его мастерства. Если иные классические произведения высококвалифицированный оркестр может играть, в какой-то мере опираясь лишь на коллективное чувство ансамбля (вспомним хотя бы знаменитый Персимфанс, репертуар которого не случайно основывался в значительной степени именно на классике), то исполнение сочинений современных авторов без дирижера представляется по меньшей мере сомнительным...

Напоминаю обо всем этом потому, что справедливые в общем суждения на трудности с дирижерскими кадрами в значительной степени объясняются чрезвычайно возросшими требованиями к этой профессии. Здесь есть некие объективные закономерности, и аналитическое рассмотрение их настоятельно необходимо.

Нужно, однако, сказать, что трудности роста в то же время, как это нередко бывает, интенсивно динамизируют процессы развития. Все выше становится уровень мастерства у многих дирижеров. Расширяется их концертный репертуар, углубляется его творчески-образное осмысление. Есть у нас в этой области и выдающиеся таланты, чье творчество является целой эпохой дирижирования, дирижерской интерпретации.

ОДНИМ из первых среди них должен быть назван Евгений Светланов. Музыкант редкого по масштабности, разностороннего дарования, он с необычайным упорством углубляет, расширяет, неустанно шлифует его. Достаточно сказать, что его творческий профиль, помимо дирижирования, включает также фортепианное исполнительство и композиторское творчество. Причем все три компонента доведены им до степени высокого профессионализма в самом полном и точном смысле слова. Столь же «един в трех лицах» был, пожалуй, в двадцатом веке лишь Сергей Рахманинов...

Впрочем, не хочу делать никаких аналогий, никаких сравнений, тем более в плане масштабов таланта и его индивидуальной окрашенности. У Рахманинова синтез пианизма, творчества и дирижирования был все же прочнее, гармоничнее. Пожалуй, лишь дирижирование отходило у него несколько на второй план. У Евгения Светланова, наоборот, дирижирование — это самое главное, самое основное в творческой жизни. Светланов — прекрасный пианист. Но у него попросту нет времени систематически концертировать. Светланов — даровитый композитор. Но у него опять-таки нет ни времени, ни, главное, свободной творческой энергии для постоянного композиторского труда.

Нет времени. Ибо жизнь его до отказа заполнена дирижированием. О предельной «спрессованности» его времени говорит хотя бы тот факт, что по широте и разнообразию «активно функционирующего» концертного репертуара он представляет собой явление редкое. Характерно, в частности, что концертные программы 1969—1971 годов, за исполнение которых он по праву выдвинут на соискание Ленинской премии, содержат многие произведения, очень сложные и к тому же принадлежащие к самым различным композиторским школам. Под руководством Евгения Светланова Государственный симфонический оркестр Союза ССР сильно расширил и обогатил свой репертуар. Сейчас только одно перечисление названий, входящих в его «действенно-живую» часть, занимает десятки страниц.

Широта репертуара, стилистическое многообразие исполняемых произведений, коль скоро речь идет об их мастерской, совершенной трактовке, а именно такова она у Светланова, необходимо предполагает высокую чуткость к замыслу композитора, умение проникнуть в его своеобразие.

И самое главное — талант передать свое понимание композиторского замысла оркестру, увлечь его, вдохновить, сплотить воедино. Этим, собственно, в первую очередь определяется степень таланта и мастерства дирижера. И это-то качество у Евгения Светланова развито в самой высокой степени.

Обычно, говоря о дирижерских индивидуальностях, в первую очередь подчеркивают их активное, волевое начало, специфически дирижерскую «императивность». Действительно, без такой творческой власти подлинный дирижер немалым. И Светланову она присуща в очень ярком воплощении. Вслушайтесь хотя бы в его упругие ритмы, в стальной, несокрушимый каркас бесконечных нарастаний звучности типа знаменитого «безбрежного crescendo» в «Болеро» Равеля. Но есть у истинного дирижера-мастера и другое качество — нуткое вслушивание в трепетную ткань музыкальных образов, вслушивание в интонирование мелодий инструментом, человеческим голосом.

Властность и вместе с тем бережная нежность, императивность и чуткий ансамблевый «взаимоаккомпанемент» — такова здесь диалектика. Обе стороны единого явления у Светланова воплотились очень ярко. Поэтому-то он, кетати говоря, был столь великолепным оперным дирижером. Вообще внимание к мелодии, к мелодии кантиленной прежде всего и главным образом — характернейшая черта творческого облика дирижера. Поэтому-то он почти «внеконкурентен» сейчас в трактовке многих произведений русской классики. Поэтому-то мало равных ему в труднейшем искусстве аккомпанирования певцу, ведения сольных, ансамблевых и хоровых сцен оперного спектакля.

Активность творческого начала в дирижерском почерке Светланова проявляется столь ярко, что нередко создается впечатление, будто музыкальные образы рождаются сейчас, сию минуту. Эта сиюминутность рождения образа и обретения им реального оркестрового звучания, создающая иллюзию полного совмещения композиторского творчества и оркестрового исполнительства, производит сильнейший эффект. Разумеется, каждый раз в этом присутствует элемент вдохновенной импровизации, но импровизации, рожденной титаническим трудом предварительного репетиционного вживания в замысел композитора, беспощадного отбора, отбрасывания сотен и тысяч менее удачных вариантов.

Музыкант огромного творческого масштаба, Евгений Светланов — великий труженик. Его содружество с замечательным коллективом Государственного симфонического оркестра Союза ССР чрезвычайно плодотворно. Дмитрий Дмитриевич Шостакович говорит, что отличительными чертами этого коллектива являются «блестящее мастерство, великолепная оркестровая дисциплина, рельефность и вместе с тем артистичность выполнения замысла, а также высокая культура звучания». В формировании исполнительских качеств Госоркестра большая заслуга принадлежит его главному дирижеру Евгению Светланову. Талант его сейчас в полном расцвете. Музыкант этот, бесспорно, один из крупнейших дирижеров современности.

Ив. ПОПОВ.